

Franz
KAFKA
1883 – 1924

Франц
КАФКА

Лабиринт

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2 (436)
ББК 84(4Авс)-44
К 30

Перевод с немецкого Юрия Архипова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Ю. И. Архипов (наследник),
статья, перевод,
комментарии, 2019
- © Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02381-9

Лабиринт

Постройку свою я завершил, и вроде бы она удалась. Снаружи ничего не видно, кроме большого лаза, но на самом-то деле он никуда не ведет — через пару шагов упираешься в камень. Не стану хвалить себя за эту мнимую хитрость: дыра осталась после многих тщетных попыток что-то тут соорудить, и в конце концов я решил одну из дыр оставить незасыпанной. А то ведь, неровен час, перехитришь себя самого, я-то это умею, а в данном случае, упирая на особое значение этой дыры, можно создать смелое, но ложное впечатление, будто за ней кроется нечто достойное обследования. Ошибется тот, кто подумает, будто я трусоват и только из трусости затеял свою постройку. Шагов за тысячу от этого отверстия находится, прикрытый мхами, настоящий вход в мое жилище, вход надежный — насколько может быть надежным что-либо на свете; разве что наступит на мох кто-нибудь в этом месте и провалится, тогда, конечно, жилье мое откроется, а при желании — и при известной, не так уж часто встречающейся сноровке — в него можно будет проникнуть и все тут порушить. Мне это ясно, так что даже теперь, достигнув всего, я часа не ведаю вполне спокойного; я ведь знаю, что уязвим: по ночам в полусне то и дело мерещатся мне оскаленные хищные морды,

рышущие над моим покровом, сотканным из мха. Я бы мог, скажут мне, засыпать входное отверстие сверху тонким слоем крепкого щебня, а пониже слоем рыхлой земли, чтобы, если понадобится, скоренько раскопать выход. Однако это-то и невозможно; как раз предосторожность требует оставить себе возможность мгновенного бегства на свободу, как раз предосторожность требует — как это, увы, слишком часто бывает — жить с риском для жизни. От таких расчетов кругом идет голова, и только восторг от собственной расчетливости понуждает их продолжать. Я должен иметь возможность чуть что задать стрекача, ведь при всех мерах предосторожности нападение может произойти с самой неожиданной стороны. Живу себе, может статься, преспокойно в своих глубинах, а враг тем временем потихоньку пробуравливает откуда-нибудь ко мне отмычку. Не берусь утверждать, что нюх его тоньше, чем мой; возможно, он так же мало знает обо мне, как я о нем. Но ведь есть разбойники одержимые, что роют и роют землю во всех направлениях и при такой протяженности моей постройки могут наткнуться на один из моих коридоров. Разумеется, на моей стороне то преимущество, что я-то у себя дома и все ходы-выходы тут знаю. Так что разбойник легко может стать моей жертвой, иной раз и весьма вкусной. Однако же я старею, среди моих врагов немало и тех, что сильнее меня, а врагов у меня тьма, неровен час, убегая от одного, попадешь в лапы к другому. Все, все может случиться! Как бы там ни было, но я должен быть уверен, что где-то есть у меня легкодостижимый припрятанный выход, где мне не нужно, чтобы выбраться, еще потрудиться, а не так, что я в отчаянье рою, а сзади — боже упаси! — вцепляются в мои ляжки

чьи-то немилосердные зубы. И не только от внешних врагов исходит угроза. Отыскиваются таковые и в теснинах земли. Я их, правда, еще не видел, но предания о них повествуют, и я этому верю. Те существа — жители подземелья, и даже предания не могут толком их описать. Даже те, кто стал их жертвой, не смогли их разглядеть. Слышно лишь, как в земле, где они обитают, скребутся когти; только зазевайся — и ты пропал. И тут не зачтется, что ты у себя дома, скорее уж, это их дом. И не спасет тогда запасной выход, да и не для того он, чтобы им спастись, а для спокойствия и надежды, без которых мне не выжить. Помимо этого большого лаза есть у меня еще множество узеньких, довольно безопасных ходов, через которые поступает свежий воздух. Проложили их мыши-полевки. Я догадался вмонтировать их в свое жилище — чтобы раздвинуть границы своего принюхивания и тем самым еще больше обезопасить себя. Кроме того, по ним проникает ко мне всякая съедобная мелочь, так что можно иной раз добыть кое-какую живность, не выходя из дома. Вещь, конечно, бесценная.

Но всего прелестнее в жилище моем — тишина. Пусть и обманчивая. Может нарушиться в один миг, и тогда всему конец. Но пока-то она еще держится. Я могу часами красться по своим переходам, не слыша ни звука, разве что прошуршит какой мелкий зверек, чтобы тут же и утихнуть у меня в зубах, или прошелестит где-нибудь легкая осыпь, напоминая о необходимости кое-каких ремонтных работ; а так все тихо. Веет лесной ветерок, разом и прохладный, и теплый. Иногда я растягиваюсь на полу и переваливаюсь с боку на бок от удовольствия. Славно встречать старость в этом доме, зная,

что осень не застанет тебя без крыши над головой. Через каждую сотню метров я, расширив ходы, устроил небольшие закругленные площадки, где могу, свернувшись калачиком, согреть сам себя и отдохнуть. Там я сплю сном самым сладким и праведным, какой только и может быть у того домовладельца, чьи потребности удовлетворены, чьи цели достигнуты. Не знаю, привычка ли то прежних времен, чувство ли опасности даже в таком укрыище, но время от времени меня словно выталкивает что-то из сна, и тогда я все прислушиваюсь к тишине, которая неизменно царит здесь и ночью, и днем; а потом, успокоившись и расслабившись, я погружаюсь с улыбкой в еще более глубокий сон. Бедные бездомные бродяги, кочующие по лесному бездорожью, пытающиеся согреться в куче листвы или в сгрудившейся стае себе подобных, выданные всем несчастьям и бедам земной юдоли! А я лежу себе здесь, на площадке, со всех сторон защищенной, — более пятидесяти таких в моем жилище — и предаюсь то глубокому сну, то легкой дреме, выбирая между этими состояниями по своему усмотрению.

Не совсем посередине постройки, в строго рассчитанном месте, удобном для отражения опасности — не прямого нападения, может быть, но осады, — находится моя главная площадь. Если прочее строительство потребовало от меня напряжения не столько тела, сколько ума, то эта крепость явилась плодом предельных телесных усилий. Не единожды я приходил в отчаяние от измождения и, желая все бросить, кидался в рыданиях и проклятиях навзничь, а потом с трудом выбирался наружу, оставляя позади себя недоделанный недострой. Я мог так поступать, потому что не собирался к нему возвра-

щаться, но потом, часы или дни спустя, я, движимый раскаянием, все-таки снова был здесь и чуть ли не гимны пел от восторга, что все уцелело как было, и заново принимался за дело. Хотя сверхусилия по возведению этой крепостной площади были во многом напрасны (то есть польза от них была неоправданной), ибо почва над ней оказалась, вопреки расчетам, песчаной и рыхлой, и землю там приходилось прямо-таки спрессовать, чтобы возвести красиво закругленные стены и свод. А для таких работ нет у меня, кроме собственного лба, иных инструментов. Вот я и бился с разбегу собственным лбом в эту землю тысячи и тысячи раз днем и ночью и бывал счастлив, когда выступала кровь, ибо то был признак отвердения стены; так что нельзя отрицать, что свою крепость я заслужил.

На этой площади держу я свою припасы — складываю здесь все, что остается от моей добычи как в подземелье, так и снаружи, сверх текущих потребностей. Площадка так велика, что ее не заполняют целиком даже полугодовые припасы. Поэтому я могу их раскладывать, прохаживаясь между ними, играя с ними, наслаждаясь их запахами и обилием и всегда имея перед глазами их полный обзор. Могу и перекладывать что-то в зависимости от времени года, могу строить расчеты и охотничьи планы. Порой я бываю настолько всем обеспечен, что из равнодушия к пище вовсе не трогаю всю ту мелкоту, что тут шныряет, а это, может статься, и есть неосторожность. Постоянные занятия мои подготовкой к обороне приводят к тому, что мои соображения по использованию лабиринта в этих целях меняются, развиваются — в известной степени, разумеется. Иной раз мне кажется неразумным сосредоточивать всю продовольственную

базу на одной главной площади, ведь разветвленность лабиринта предоставляет мне возможности разнообразные — скажем, разместить часть припасов на меньших площадках; вот я и решаю подчас отвести каждую третью площадку под резервные запасы, а каждую четвертую — под основные, а каждую вторую — под дополнительные и так далее. То я маскировки ради вообще исключаю часть ходов из числа хранилищ, то по какому-то наитию избираю совсем немногие из них — те, что находятся поближе к главному коридору. Каждый такой новый план требует от меня тяжелой работы грузчика, ибо, следуя новым расчетам, мне приходится туда-сюда таскать тяжести. Правда, я могу это делать спокойно, без спешки, и не такое уж это худое дело таскать в зубах вкусные тяжести, поминутно отдыхая, где вздумается, и лакомясь, чем захочется. Куда хуже бывает, когда я вскакиваю посреди сна от кошмара и мне чудится, что теперешний порядок не просто никуда не годится, а полон опасностей, и, невзирая на усталость и сонливость, я бросаюсь спасать положение; впопыхах, на лету, без предварительных расчетов; но, преследуя мелькнувший в голове и показавшийся убедительным план, я хватаю зубами первое, что попадется, тащу, волоку, охаю, вздыхаю, спотыкаюсь, и тогда любая случайная перестановка кажется мне спасением от грозящих опасностей. И так до тех пор, пока вместе с пробуждением не приходит и протрезвление, так что я не в силах понять, куда и зачем так спешил; и тогда, глубоко вобрав в себя ноздрями мир и покой собственного жилища, которые сам же нарушил, я плетусь обратно в постель и от новой усталости снова проваливаюсь в сон, а когда просыпаюсь, то лишь застрявшая в зу-

бах крыса с несомненностью доказывает мне, что вся эта ночная возня мне не приснилась. Но проходит время, и вновь мне начинает казаться, что собрать все припасы на одной площадке и является наилучшим решением. Что толку мне от припасов, рассредоточенных по мелким площадкам, да и сколько всего может там поместиться, а проходы будут забиты, что наверняка помешает моему бегству при обороне. И кроме того, хоть это, может быть, глупо, но ведь и впрямь наша уверенность в себе возрастает, когда мы видим перед собой большее собрание припасов. И не много ли всего потеряется, начни я делить собранное на мелкие части? Не могу же я вечно скакать туда-сюда по своим коридорам, чтобы убедиться, что все пребывает на месте. Сама по себе мысль о разделе припасов, может, и верна, но только в том случае, если имеется несколько таких площадок, как моя крепостная площадь. Несколько! Конечно же! Но кому это под силу? Да и не внесешь их теперь в генеральный план моего лабиринта. Хотя я вынужден признать эту ошибку плана, как вообще ошибочен всякий план, основанный на единичности чего-либо. Как признать и то, что во все время стройки ворочалась во мне эта хоть и подспудная, но явная мысль о необходимости нескольких крепостей с площадями, а не поддавался я ей лишь потому, что чувствовал себя слишком слабым для такой неподъемной работы, а еще потому, что надеялся на счастливый свой жребий: провидению, мол, будет угодно, в виде исключения, пожалуйть мой трамбующе-копательный лоб, и все и обойдется. Вот и остался я с одной только крепостью, а смутные тревоги мои насчет того, что этого недостаточно, испарились. Как бы там ни было, я вынужден

довольствоваться одной-единственной площадкой такого размера, маленькие никак не могут ее заменить, и, когда во мне вызревает такое мнение, я опять начинаю перетаскивать все сюда. На какое-то время я бываю утешен тем, что все площадки и проходы снова свободны, а на крепостной площади громоздится гора из съестных припасов, распространяющих во все концы смесь ароматных запахов, которые мне так приятно различать даже издали. Потом наступают особенно покойные времена, когда я постепенно переносу свое ложе все ближе и ближе к центру, все глубже погружаясь в прельстительные ароматы; и вот однажды ночью не выдерживаю и набрасываюсь на эту гору припасов на крепостной площади, остервенело роюсь в ней как безумный и до полного одурения объедаюсь тем, что люблю всего больше. Счастливые, но опасные времена; найдись кто-нибудь, кто сумел бы ими воспользоваться, он мог бы запросто, ничем не рискуя, меня уничтожить. В этом тоже сказывается отсутствие у меня второй крепости; единожды собранное скопление — слишком большой соблазн для меня. Я всячески пытаюсь ему противиться, распределение припасов по меньшим площадкам — тоже одна из мер; к сожалению, как все подобные меры, она ведет лишь через ограничение к еще большей жадности, которая, помутив разум, пагубно сказывается на нуждах обороны, подвергаемых произволу перемен.

После таких периодов, чтобы как-то прийти в себя, я подвергаю ревизии свою постройку и, произведя необходимый ремонт, нередко, хоть и не надолго, покидаю ее. Долгое отсутствие я воспринимаю как наказание, но с необходимостью коротких отлучек нельзя не примириться. К выходу я

приближаюсь всякий раз не без торжественности. В периоды жизни сугубо домашней я даже избегаю к нему приближаться, никогда не вступаю в разветвления ведущего к нему хода; да там особо и не погуляешь, ибо там я устроил целое переплетенье маленьких коридорчиков; с того места я начал свое строительство и не смел даже надеяться поначалу, что осуществлю его точно по плану; энтузиазм первопутка вылился в создание лабиринта, показавшегося мне в то время шедевром строительного искусства; теперь-то я, вероятно, оценил бы его как мелкую, недостойную замысла поделку, хотя в теории она выглядит восхитительно: вот вам портал дома моего, словно бы в насмешку говорил я незримым врагам, предвидя, как они все задыхаются в этом предбаннике-лабиринте; а на самом-то деле то была всего лишь тонкостенная игрушка, которая не могла устоять под натиском серьезного или отчаянно сражающегося за свою жизнь противника. Перестраивать ли мне эту часть своего жилища? Я все откладываю решение, и, скорее всего, все останется так, как есть. Помимо огромной работы, которую мне пришлось бы на себя взвалить, она была и невообразимо опасной. Тогда, в начале строительства, я мог работать относительно спокойно, без особого риска, но теперь это значило бы чуть ли не нарочито привлечь всеобщее внимание к моему лабиринту; так что никакая перестройка теперь невозможна. Что меня почти радует, ибо я к своему первому детищу по-своему привязался. А если последует мощный натиск, то какой абрис прихожей сумеет его сдержать? Вход может обмануть, отвлечь, помучить внимание нападающего, а с этим и мой худо-бедно справляется. Настоящему же, грандиозному нападению

предстоит противопоставить все оборонные качества моего жилища, и тут понадобятся, ясное дело, все мои телесные и душевные силы. Так что пусть уж этот вход остается. У постройки в целом немало слабостей, доставшихся ей от природы, вот и еще одна, созданная моими руками, — запоздало, конечно, но точно опознанная. Все сказанное не означает, однако, будто слабость эта меня вовсе не беспокоит — и не только временами, но постоянно. Когда я прогуливаюсь, по обыкновению, по своему лабиринту, то ведь избегаю заглядывать в этот угол, потому что вид его мне неприятен: слишком крепко засела в моем подсознании губительная мысль о здешних несовершенствах. Пусть нельзя здесь уже ничего исправить, но усугублять печаль по этому поводу тоже не нужно. Стоит мне только направиться в сторону выхода, даже не приближаясь еще к ведущим к нему площадкам и коридорам, как я уже попадаю в атмосферу повышенной опасности и моя шкурка истончается так, будто я стою голомясый, выданный рыку моих врагов. Конечно, такие чувства вызывает прежде всего сам выход, то есть место, где кончается защита дома, но особо мучает меня и сама эта часть постройки. Порой мне снится, что я все здесь перестроил, полностью все изменил, быстро, за одну ночь штурма, незаметно для всех, и теперь здесь неприступная крепость; этот сон — сладчайший из всех, слезы радости и избавления еще стекают по моему подбородку, когда я просыпаюсь.

Итак, мучительность лабиринта мне приходится преодолевать даже и телесно, когда я выхожу, и меня одновременно и сердит, и трогает, что я иной раз запутываюсь в извилах собственного сооружения, и оно словно бы силится еще раз доказать мне

свое право на существование, хотя приговор мой давно уже вынесен. И вот я нахожусь под самым покровом из мха, которому всегда даю вырасти и сравняться с землей, прежде чем выйти из дома, что делаю в том только случае, когда путь на чужбину легко можно пробить себе головой. На это легкое движение, однако, я не решаюсь подолгу, и, если бы для возвращения восвояси мне не надо было бы снова преодолевать лабиринт у входа, я бы, скорее всего, не вышел наружу. Да и зачем? Твой дом защищен и самодостаточен. Живешь ты покойно, в тепле, в сытости, как настоящий господин, единственный хозяин всех этих ходов и площадок; ведь всем этим ты, надо надеяться, не станешь жертвовать, разве что частично; но утраченное ты вернешь — в том твое упование, а высокая, слишком высокая ставка — для тебя ли она? Есть ли для нее разумные основания? Нет, для подобных вещей не бывает разумных оснований. И вот я осторожно приподнимаю откидную дверцу и, выбравшись наружу, осторожно ее опускаю и со всех ног бегу прочь от сего обманного места.

И все-таки я не на воле, хотя и не протискиваюсь по своим ходам, а несусь по лесу, чувствуя во всем теле новые силы, которым не развернуться было бы в моей постройке, даже на крепостной главной площади, будь она даже в десять раз больше. И пища в лесу получше; правда, охотиться тут труднее, иметь успех — тем более, но результат в целом оказывается во всех отношениях ценнее, с этим не поспоришь; разницу я понимаю и могу насладиться ею не хуже любого другого, а пожалуй, и лучше, потому как охочусь я не из легкомыслия или шального отчаяния, подобно какому-нибудь бродяге, но истово и целеустремленно. Да и не для

свободной жизни я создан, а потому и не подчинен ей, помня, что время мое отмерено, не век разгуливать мне здесь на свободе, но, лишь захочу или устану, немедля услышу призыв, противиться которому не в моих силах. Да, я могу без забот наслаждаться здешним временем, вернее — мог бы и все-таки не могу. Слишком занят я устройством своей норы. Скор был мой бег от нее, но вернусь я еще скорее. И, хорошенько спрятавшись поблизости, дено и ночно буду наблюдать — на сей раз снаружи — за входом в мой дом. Пусть это выглядит глупо, но мне это доставляет несказанную радость, и это успокаивает меня. Чувство такое, будто не перед домом своим я стою, а перед самим собой спящим, счастливо пребывая сразу в двух состояниях: и сплю, и охраняю свой сон. Словно дана мне такая награда: наблюдать призраки ночи не только в беспомощном простодушии сна, но и в реальности бодрствования, со способностью суждения самой незамутненной. И я нахожу, что со мной все обстоит не так уж и плохо, как мне иногда кажется и как мне, скорее всего, снова будет казаться, когда я спущусь в свое жилище. В этом отношении — не только в этом, но в этом, может быть, больше всего — прогулки мои ничем не заменимы. Конечно, как ни тщательно я выбирал лаз в свое жилище где-нибудь на отшибе, всяческой суеты здесь, если суммировать наблюдения, скажем, целой недели, все же хватает, однако так обстоит, вероятно, повсюду, где водится живность; кроме того, может быть, оно и лучше — быть поближе к большому движению, которое ведь всегда занято самим собой, чем пребывать в уединении, где на тебя скорее наткнется какой-нибудь неторопливый и праздный проныра. Здесь врагов предостаточно, их пособни-

ков тоже, но ведь они заняты истреблением друг друга, им не до моей постройки. Никого за все это время не видел я слоняющимся у моего входа — к моему и его счастью, ибо, боясь за жилье, я бы не раздумывая вцепился в глотку любому. Правда, появлялся тут и такой народец, в чьем соседстве я не решился бы оставаться и, едва их заведя, улепетывал со всех ног, не загадывая, что будет с моим домовладением; зато потом, вернувшись, я никого из них уже не видел, а вход был по-прежнему явно целехонек. Выпадали счастливые дни, когда я говорил себе, что враждебность мира по отношению ко мне, похоже, кончилась или утихла, а могучие устои моего сооружения изъяли меня из той всеобщей войны на уничтожение, которая имела место доселе. И что сооружение это защищает меня, видимо, еще лучше, чем я мог надеяться, находясь там, внутри. До того доходило, что меня стали посещать ребяческие мечты не возвращаться более в нору, а, устроившись здесь, поблизости от входа, провести остаток жизни в его непрерывном созерцании, в счастливом убеждении в надежности моего укрытия, стоит мне только им воспользоваться. Что ж, детские сны — легкая добыча страха. Где она, эта мнимая защищенность? И можно ли судить об опасностях, которых я боюсь, когда бываю там, внутри, по тем наблюдениям, которые делаю здесь, снаружи? Не притупляется ли нюх врагов моих, когда я вне дома? Кое-что они могут учуять, но далеко не все. А ведь настоящая опасность — плод чутья неусеченного, полного. Итак, все, что я здесь измышляю, и наполовину, нет, и на десятую долю не годится для истинного спокойствия, а всякий самообман способен лишь навлечь еще бóльшую опасность. Нет, то не я наблюдаю

свой сон, как мне мнится, то бодрствует мой погубитель, пока я сплю. Может, он один из тех, кто с невинным видом прошмыгивает мимо норы, на самом-то деле, как и я, проверяя, в сохранности ли дверь, по-прежнему дожидается ли она решительного нападения; а он идет себе мимо, потому что знает, что хозяина сейчас нет дома, знает, возможно, и больше: что хозяин в эту минуту тоже ведет свои наблюдения, прячась в кустах. И тогда я покидаю свой наблюдательный пункт, наскучив жизнью на воле, чувствуя, что здесь мне нечему больше научиться — ни теперь, ни потом. И меня распирает желание распрощаться со всем здесь снаружи, спуститься в мой лабиринт и никогда больше не возвращаться сюда, предоставив всему идти своим чередом, не мешая потоку событий бесполезными наблюдениями. Но после долгих созерцаний всего происходящего наверху мне мучительно трудно снова зарываться в глубину, не зная, что в этот миг происходит за моей спиной и что еще произойдет после того, как захлопнется позади меня створка люка. Ночами в лихорадочной спешке я пытаюсь затолкать вниз свою добычу, кажется, это удастся, впрочем, это станет ясно лишь позже, но станет ясно уже не мне или мне, но слишком поздно. Поэтому я долго не решаюсь спуститься. Но рою вместо этого новый ров — на достаточном расстоянии от входа и длиной со свой рост, ложусь туда, укрываясь мхом, как покровом. Там затаившись, я веду свои расчеты и наблюдения и в ночные, и в дневные часы, затем, откинув мох, вылезаю и регистрирую свои наблюдения. Опыт скапливается разнообразный, и дурной, и полезный, однако общего закона или правильной методики спуска в нору я найти не могу. А потому и не спускаюсь

вовсе, а только предаюсь отчаянию из-за того, что это сделать все же придется. Я недалеко от решения об уходе, о возобновлении своих безотрадных скитаний, полных опасностей в такой мере, что какую-нибудь отдельную опасность не очень-то заметишь и различишь; только надежность постройки моей научила меня сравнивать теперешнюю мою жизнь с остальным миром. Разумеется, такое решение явилось бы глупостью необычайной, следствием затянувшейся гульбы на свободе; постройка-то все еще принадлежит мне, стоит мне сделать один только шаг — и я под защитой. И я сбрасываю с себя оковы сомнений и среди бела дня мчусь прямо к двери, чтобы наверняка приподнять ее, — и не могу этого сделать, пробегаю мимо и нарочно кидаюсь в колючий терновник, чтобы наказать себя, наказать за вину, которой не знаю. И тогда я вынужден признать, что я все-таки прав: невозможно спуститься, не пожертвовав всем, что мне особенно дорого, тому, что меня окружает, — на земле, в воздухе, на деревьях. И опасность эта вовсе не мнимая, а самая настоящая. Даже если за мной по пятам последует, повинувшись соблазну, не мой грозный враг, а какая-нибудь пигалица, вполне ничтожная и невинная, которая, даже не догадываясь о том, возглавит поход против меня целого мира; а может — что ничуть не лучше, а хуже всего, — за мной последует некто вроде меня самого, знаток и ценитель подобных построек, какой-нибудь лесной брат, созерцатель, но, в сущности-то, проходимец, желающий пожить на чужой счет. О, если бы он сейчас появился, если б его грязная похоть привела его к входу и он начал бы сдирать с него дерн, и обнажил бы щель, и протиснулся бы в нее вместо меня, выставив на мгновение свой зад, — если б все

это случилось, о, как бы я безоглядно взъярился, как бы вцепился в него и загрыз, растерзал, разорвал на клочки, выпил бы его кровь, а труп сунул к остатней добыче! А главное, я очутился бы снова в своем убежище, стал бы теперь даже восхищаться своим лабиринтом и, натянув на себя покров из мха, предался бы неге до конца своей жизни. Но никого по-прежнему нет, я один-одинешенек. И все же, погруженный в эти трудности, я понемногу утрачиваю свою боязливость, все больше и больше кружу вокруг входа, что становится моим любимым занятием, и это начинает уже выглядеть так, будто я и есть тот самый враг, улучающий миг для успешного натиска. Будь у меня кто-нибудь, кому я мог бы доверить свой наблюдательный пост, тогда, несомненно, я бы с легкостью спустился. Я бы условился с ним, доверителем, чтобы он внимательно наблюдал за моим спуском и какое-то время после него и, чуть что, стучал бы по дерну. Вот и все, что мне было бы нужно от этого мира, он один, и ничего больше. Однако не потребовал бы он и ответной услуги? Хотя бы экскурсии по лабиринту. Но по доброй воле впустить кого-нибудь к себе — нет, для меня это было бы мукой. Я построил свой дом не для посетителей, а для себя и не впустил бы даже того, кто обеспечивает мой собственный спуск. Да это было бы и невозможно, потому что либо я должен был бы тогда впустить его одного, о чем не может быть речи, либо мы должны были бы спуститься вместе, но тогда некому было бы приглядывать за моим спуском. А как быть с доверием? Одно дело доверять, глядя глаза в глаза, и совсем другое — доверять тому, кого не видишь, кто отделен от тебя дерном из мха. Нетрудно доверять тому, за кем наблю-

даешь или, по крайней мере, можешь наблюдать, можно еще доверять иной раз тому, кого видишь хотя бы издали, но как доверять, находясь внутри, тому, кто находится снаружи? Впрочем, все эти сомнения излишни, достаточно понять, что во время или после моего спуска бесчисленные случайности жизни могут помешать моему доверенному лицу выполнить свой долг и к каким же невообразимым бедам для меня может привести его малейший сбой. Нет уж, если взвесить все со всех сторон хорошенько, то не стоит мне жаловаться на свое одиночество, на отсутствие того, кому я могу доверять. Так я не лишаюсь никаких преимуществ, зато избегаю ущерба. Доверять я могу только себе и своей постройке. Все нужно было продумать заранее, предусмотрев и меры на тот случай, который теперь меня занимает. Ведь в начале строительства это было хотя бы отчасти возможно. Нужно было только так выстроить главный ход, чтобы он имел два лаза на соответствующем расстоянии друг от друга; и тогда, спустившись со всею мыслимой осторожностью по одному из них, я мог бы быстренько перебежать к другому и, приподняв нарочно для этой цели приспособленный дерн, наблюдать за происходящим несколько дней и ночей. Только так и следовало поступить. Правда, наличие двух щелей увеличивает опасность, но таким соображением можно и пренебречь, тем более что отверстие для наблюдения могло бы быть предельно узким. И тут я, по обыкновению, предаюсь техническим расчетам, погружаюсь в мечты о совершенной постройке, это немного успокаивает меня; закрыв глаза, я с восторгом рисую себе то отчетливые, то приблизительные строительные перспективы, благодаря коим можно незаметно

выскальзывать из своего жилья и проскальзывать обратно.

Когда я вот так лежу и размышляю, я оцениваю эти возможности очень высоко, но лишь как чисто технические достижения, а не как подлинные преимущества, ибо эти беспрепятственные скольжения туда-сюда — что в них? Да ничего, кроме тревоги, низкой самооценки, темных вожделений, дурного характера, который портится все больше, хотя как раз нерушимость моей крепости могла воздействовать на него благотно, стоило бы только довериться ей целиком. Теперь-то, правда, я вне ее пределов и ищу способа вернуться; и тут необходимые технические усовершенствования оказались бы весьма кстати. А может, и нет. Может, это гнетущий унижительный страх заставляет видеть в постройке только спасительную нору, в которую хочется заползти. Да она таковой и является или должна ею быть, и как только вспомню, какие опасности меня окружают, то, стиснув зубы, настроив на предел свою волю, я сосредоточиваю свои желания на том, чтобы жилище мое и было такой спасительной дырой, чтобы эту свою ясно поставленную задачу оно выполняло с наивозможным совершенством, и никаких других задач я от него не требую. Но на самом-то деле — о чем в годину бедствий легко забываешь, но и тогда следует помнить — постройка моя хоть и дает известное ощущение безопасности, но все же далеко не достаточное, так что голос тревоги в нем всегда слышен. Это другая, более возвышенная, насыщенная, нередко укрощаемая тревога, но ее разрушительное действие может быть не меньше той, что внушает жизнь снаружи. Если бы я возвел постройку, только чтобы застраховать свою жизнь, я хоть и не был бы обманут в своих

ожиданиях, однако соотношение между чудовищными по напряжению трудами и реальной безопасностью, во всяком случае так, как я ее понимаю и способен пользоваться ею, оказалось бы мало благоприятным. Мучительно больно в этом признаться, но такое признание неизбежно, особенно когда смотришь на вон тот вход, который словно в судорожной зевоте защелкнулся передо мной, своим строителем и владельцем. Слава богу, постройка моя не только спасительная нора. Когда я стою на главной своей, дворцовой площади, посреди громоздящихся мясных припасов, поворачиваясь к десятку ходов, берущих отсюда начало, бегущих вверх или вниз, спрямленных или закругленных, расширяющихся или суживающихся, но равно пустынных и тихих, готовых повести меня ко множеству других площадок, тоже пустынных и тихих, — тогда я не задумываюсь о безопасности, тогда я знаю только, что здесь моя крепость, которую я когтями и зубами, трамбуя и прессуя, отвоевал у неуступчивой земли, моя крепость, которая не может принадлежать никому другому, настолько моя, что здесь я в конце-то концов спокойно приму от врага и разящий удар, ибо моя кровь просочится тогда в мою землю и тем самым не пропадет. В том-то и смысл тех блаженных часов, что я провожу то в полудреме, то в радостном бодрствовании в этих переходах, точнехонько на меня рассчитанных, на мои потягивания и ребячливые кувырканья, созерцательные полеживания и блаженные засыпания. А эти площадочки, вроде бы одинаковые, но которые я легко распознаю и с закрытыми глазами по одному только изгибу стен, — о, с какой теплой негой объемят они меня, с большей негой, чем любое гнездо своих птиц. И всюду, всюду там — пустынно и тихо.

Но если это так, то отчего же я медлю, отчего боюсь вторжения больше, чем угрозы никогда больше не увидеть свои хоромы. Нет, этого последнего, к счастью, просто не может быть; мне ведь не нужно доказывать себе, что для меня значит моя постройка; она и я нераздельны, при всем моем страхе я мог бы поселиться в ней навсегда, для этого мне нужно себя в чем-то преодолевать, раскупоривая вход, достаточно просто побыть здесь какое-то время, и все само собой устроится, ничто нас не разлучит, я спущусь вниз. Вот только сколько времени пройдет до тех пор и сколько всего случится за это время, как здесь наверху, так и там внизу? От меня одного зависят сроки, я один могу предпринять все для этого необходимое хоть сейчас.

И вот, слегка ошалев от усталости, понурившись, плетясь, как в полусне, скорее на ощупь, на нетвердых ногах, пробираюсь я к входу, медленно приподнимаю дерн, медленно спускаюсь вниз, забываю по рассеянности покров тут же задернуть, потом спохватываюсь, возвращаюсь назад, хочу снова подняться, но зачем подниматься? Достаточно дерн опустить, что я наконец и делаю. Только в таком состоянии, исключительно в таком состоянии я могу все это проделать.

И вот уже я покоюсь под крышей из мха на груде сочащейся кровью добычи, обретая возможность предаться долгожданному сну. Ничто мне не мешает, никто меня не преследовал, над крышей, мнится, пока все спокойно, и, даже если бы все было беспокойно, у меня сейчас, наверное, не нашлось бы сил для наблюдений; я переменял место, спустившись из надземного мира в свою обитель, и сразу же ощутил действие этой перемены. То новый мир, дающий новые силы, и что наверху

предстает как усталость, здесь не кажется таковой. Я вернулся из своего вояжа, безумно измотанный его передрыгами, однако свидание со старым жильем, работа по его благоустройству, которая меня ожидает, необходимость хотя бы наскоро осмотреть все помещения, а главное, первым делом пробраться на центральную площадь — все это превращает мою усталость в беспокойное рвение, словно в тот миг, как я переступил порог дома, я восстал от долгого и глубокого сна. Первая же работа весьма трудоемка, требует полной самоотдачи: нужно протолкнуть добычу через узкие, слабостенные проходы вестибюльного лабиринта. Я пыхчу что есть сил, и вроде бы получается, хотя слишком медленно, на мой взгляд. Чтобы это дело ускорить, я сдвигаю назад часть мясных масс и протискиваюсь поверх них, сквозь них; теперь передо мной только часть всего, вроде бы легче проталкивать добытое вперед, но я настолько стиснут мясами в этих узких проходах, что мне самому-то трудно из них выбраться, того и гляди, в них задохнешься, свое спасение из этих тисков я нахожу только в том, что начинаю все подряд жрать и лакать. Однако транспортировка таким образом удастся, я по возможности быстро преодолеваю лабиринт, протискиваю добычу через боковой коридор в главный проход, круто спускающийся к центральной площадке. Тут уж нетрудно, тут все скатывается вниз словно само по себе. Наконец-то главная площадь! Наконец-то заслуженный отдых. Все тут без изменений, никакой особой беды, по-видимому, не случилось, мелкие, бросившиеся мне в глаза повреждения, будут устранены, надо только сначала совершить длинное путешествие по всем ходам-переходам, но это нетрудно, это все одно что поболтать с друзьями, как

бывало когда-то, — не так уж я стар, но многое в памяти меркнет: то ли я сам болтал, то ли слышал, что так обычно болтают. Не спеша бреду я по второму ходу — ведь главную площадь я повидал, так что временем не ограничен, внутри постройки моей время вообще неподвижно, ибо все, что я там делаю, идет во благую пользу и меня достаточно радует. Продвинувшись по второму ходу до середины, я обрываю ревизию, перехожу в ход третий, который возвращает меня, послушного, на главную площадь, откуда я снова двигаюсь по второму ходу. Так я играю с работой, множа ее, радуясь ей, смеясь и балдея оттого, что ее так много, зная, что я в любом случае ее не брошу. Ради вас, переходы мои и площадки, ради нужд твоих, главная площадь, прежде всего я и вернулся, рискнув наконец жизнью после того, как долгое время по глупости своей дрожал и откладывал возвращение. Что за дело мне до опасностей теперь, когда я с вами. Вы принадлежите мне, я — вам, мы связаны накрепко, и поэтому нам все нипочем. Пусть там, наверху, беснуется всякая чернь и какая-нибудь свирепая морда готовится прорвать завесу из мха. Но недвижно и немо стеной стоит за мои слова моя крепость.

Как раз тут, на одной из моих любимых площадок, овладевает мной какая-то вялая нега, и я слегка сворачиваюсь калачиком, хотя далеко не все еще осмотрел; навестаю потом, осмотрю все до конца, я ведь не собираюсь здесь спать, понежусь только немного, сделаю вид, что устраиваюсь словно бы на ночлег, посмотрю, удастся ли это так же хорошо, как бывало. Разнежиться и впрямь удастся, зато не удастся вырваться из этой неги, и я засыпаю глубоким сном.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Архипов. Путь к «Лабиринту»</i>	5
---	---

ЛАБИРИНТ	11
--------------------	----

Созерцание

ДЕТИ НА УЛИЦЕ	55
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ШАРОМЫЖНИКА	58
ВНЕЗАПНАЯ ПРОГУЛКА	60
РЕШИТЕЛЬНОСТИ	61
ПРОГУЛКА В ГОРЫ	62
ХОЛОСТЯЦКОЕ НЕСЧАСТЬЕ	63
КОММЕРСАНТ	63
РАССЕЯННЫЙ ВЗГЛЯД В ОКНО	65
ПО ПУТИ ДОМОЙ	66
ПРОБЕГАЮЩИЕ МИМО	66
ПАССАЖИР	67
ПЛАТЬЯ	68
ОТКАЗ	69
ПАМЯТКА ДЛЯ ВСАДНИКА	69
УЛИЧНЫЕ ОКНА	70
ЖЕЛАНИЕ СТАТЬ ИНДЕЙЦЕМ	71
ДЕРЕВЬЯ	71
БЫТЬ НЕСЧАСТНЫМ	71

Сельский врач

НОВЫЙ АДВОКАТ	79
СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ	80
НА ГАЛЕРКЕ	87
СТАРИННАЯ ГРАМОТА	88
ПЕРЕД ЗАКОНОМ	91

ШАКАЛЫ И АРАБЫ	93
ПОСЕЩЕНИЕ ШАХТЫ	97
СОСЕДНЯЯ ДЕРЕВНЯ	100
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОСЛАНИЕ	101
ЗАБОТЫ ГЛАВЫ СЕМЕЙСТВА	102
ОДИННАДЦАТЬ СЫНОВЕЙ	104
БРАТОУБИЙСТВО	109
СНОВИДЕНИЕ	112
ОТЧЕТ ДЛЯ АКАДЕМИИ	114

Голодарь. *Четыре истории*

ПЕРВОЕ НЕСЧАСТЬЕ	129
МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА	132
ГОЛОДАРЬ	134
ПЕВИЦА ЖОЗЕФИНА, ИЛИ МЫШИНЫЙ НАРОДЕЦ . .	145

ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ СОБАКИ	165
-------------------------------------	-----

Комментарии. <i>Юрий Архипов</i>	217
--	-----

Кафка Ф.

К 30 Лабиринт : рассказы / Франц Кафка ; пер. с нем. Ю. Архипова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 224 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-02381-9

Франц Кафка — один из самых знаменитых и загадочных гениев XX века, «непостижимый мастер и повелитель царства немецкого языка» (Г. Гессе). Мир его книг — наваждение и абсурдный кошмар, но приобщение к этим вселенским тревогам, неожиданное прозрение в них чего-то близкого, интуитивно понятного оборачивается ни с чем не сравнимым читательским удовольствием.

«Я не нашел здесь ни одной строчки, которая не задевала бы меня лично и не удивляла бы бесконечно...» — написал Р. М. Рильке о вошедшем в настоящее издание сборнике «Сельский врач».

В книгу также включены сборники «Созерцание», «Голодарь» и рассказы «Лабиринт» и «Исследования одной собаки» — шедевры так называемой серии бестиариев Кафки.

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНЦ КАФКА
ЛАБИРИНТ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Татьяна Бородулина, Станислава Кучепатова,
Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 01.03.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-5278-13-R